

И. П. Глемба, А. Г. Прохоренко

Сарифия

Предисловие

Основываясь на записках Василя Галайды, казака-характерника, проживавшего в конце шестнадцатого и в первой половине семнадцатого века, авторы подготовили для себя и читателей ряд рассказов и повестей под общим названием «Казацкая быль» о казаках, казацком люде, о тогдашней Украине, о некоторых событиях, участником которых был Василь. Речь пойдет о неординарных казаках и их жизненном пути и не только о характерниках. На наш, авторов, взгляд в нравах и обычаях казаков и казацкого люда проявляются лучшие черты народа, проживавшего в то время на огромных территориях от Карпатских гор до Дона и Волги.

Подчеркнем также, что рассказы и повести Василя Галайды, по его утверждению, основаны на реальных событиях того времени и отображают его видение мира и происходящее в нем, которому Василь был свидетелем или имел к нему прямое отношение. Видение положения дел, мировоззрение и мироощущение человека, живущего в своем времени, обладающего знанием, возможно, не

слишком согласуется с видением людей, проживающих в нашем времени. У казака-характерника свои понятия и представления о жизни и о мире, учитывая то, сколько он прошел и в каких переделках побывал. Казацкую науку, а рос Василь в семье потомственного казака-характерника Славка Галайды, сын впитал с детства, тем более, имея таких учителей, как Вернидуб, Ярий и другие казацкие батьки.

В книгу «Сарифия» из серии «Казацкая быль» включены рассказы «Сарифия», «Агнак», «Афанасий», «Как казаки в корчму ходили» и повесть «Казацкая притча».

Ведь, как говорят умудренные опытом казаки: жизнь надо наполнить смыслом и содержанием, тогда твои годы не проходят в одиночестве, и ты их встречаешь с друзьями, с мудростью, со спокойствием и с уверенностью в себе, с учениками, которые видят в тебе учителя. Однако за этим от них ускользает человек, который, несмотря на то, что многое прошел и больше их знает, по причине складывающихся условий не может их научить тому, что знает.

Предоставляем слово Василию Галайде.

Сарифия

Под конец жизни, когда ветер шевелит твои

уже седые волосы, в то время, когда ты, подобно стражу степи, взобравшись на холм, наблюдаешь оттуда за окружающей местностью, тебе частенько хочется сказать что-то особенное себе, а еще больше потомкам. Каждый год добавляет в кувшин твоей жизни новые энергии. Их сила, несмотря на годы, пока еще позволяет тебе твердой рукой держать посох. Он с некоторого времени мой неизменный помощник. Саблю я, Василь Галайда, давно уже повесил на стенку, но в жизни характерника это ничего не значит. Врагов, а их немало, мой возраст не смущает, а только лишь побуждает к тому, чтобы быстрее сжить меня со свету. Пока что я им такой радости не доставил, но ошибки совершает каждый. Любая из них может стать последней для меня.

К завершению жизненного срока, а сейчас мне уже девяносто лет, сознание еще отчетливее, чем в юности и в зрелые годы, видит жизненный путь. Картины прошлого встают во всей своей полноте и подробностях. Я вижу через времена и пространство то, что скрыто от взора остальных людей. Такие мои способности делают меня одновременно и сильным, и уязвимым. Ученикам я не могу передать знаний и некоторых умений по причине того, что этот груз у них не будет сил нести. Быстрая смерть и короткая жизнь станут в таком случае их уделом. Если нет базы, которая

нарабатывается постепенно год за годом с четырех лет, то нечего говорить о проявлении чего-то необычного, в том числе и силовых способностей.

Точно также, если нет психической устойчивости, то лучше быть незрячим. Меньше покалечишься и чуть дольше протянешь, хотя, с другой стороны, будешь жить в неведении, точнее не жить, а медленно умирать, теряя себя прежнего. Почему я так говорю? Всего лишь оттого, что мир наш в целом, чем дальше течет река времени, тем все больше погружается в темные энергии. Жизнь и жизненные энергии забираются, замещаясь перегаром и окалиной. Мы уже не так свободны, как дети степей — скифские воины, силуэты которых я вижу, всматриваясь вдаль и в прошлое с высоты холма. Здесь, чуть позади меня, стоит скифская мадонна. Она — как проводник, как страж степи и хранилище информации одновременно, еще живой свидетель прошлых лет.

Все, что мадонна увидела с момента ее появления на кургане, записано на ней. Можно, если знать как, просмотреть в любом времени любое событие, содержащееся в ее информационном поле. Энергетическое существо, воплощенное в камне, зовут Сарифия. Ее тонкое тело прибыло на Землю давно, еще, когда здесь проживали арии (свыше 7500 лет от нашего времени). Потом Сарифия получила воплощение в

камне. Она — представитель цивилизации, которая долгое время жила на одной из планет в созвездии Большой Медведицы. Там с некоторого времени условия ухудшились настолько, что энергетические существа приняли решение искать себе лучшие условия для жизни. На Земле тогда еще жили ураваны — арийские видящие и знающие. Они и приняли гостей, проведя их на Землю.

Здесь гостям помогли. Долгое время они жили в варшаках (дом на тонком плане в верхних слоях Земли), после чего некоторые из пришельцев получили воплощения: кто в физических телах, а кто, как Сарифия, с некоторого времени в камне. Но лучше так, чем разлагаться в варшаке. Там ведь нет энергий, чтобы продлить на должном уровне существование тонких тел и оболочек даже в том виде, в котором гости прибыли на Землю. Когда же тонкие тела подключаются к плоти, то нисходящие процессы замедляются. Можно тысячелетиями существовать, замедлить агонию, что дает определенные возможности. Впрочем, таков был выбор гостей, представляющих цивилизацию уолитов.

Сарифия с некоторого времени мой друг. Во всяком случае, она позволяет мне пользоваться информацией, записанной на ней, когда это мне нужно. Правда, в работе с ней нужно быть внимательным. С нее, а Сарифия побывала во

многих переделках, могут пройти влияния на тебя. Так что приходится принимать меры безопасности. Дружба дружбой, а у каждого, как говорят казаки, своя люлька и сабля, свой порох в пороховнице.

Сарифия уже не та, что раньше. Ее способности каменеют. В соответствии с ее летоисчислением она уже почти полторы тысячи лет стоит здесь, все наблюдает за степью. Знает также, что с ней будет, что разобьют ее каменное тело, а новое убежище не предоставят. Впрочем, это ее не волнует. Сарифия — страж здешних мест и проводник, и функции свои выполняет исправно.

Мое знакомство с Сарифией началось в возрасте двадцати семи лет. Именно в то время сюда, на скифскую могилу, привел меня Вернидуб. Батьке было тогда, как мне сейчас, уже под девяносто, но посох в руке он еще держал крепко. Сам ходил, даже на коне скакал, не галопом, конечно, а шагом или мелкой рысью. Задерига, мой отец, а он был одним из лучших учеников батьки, помогал, как мог ему, но Вернидуб с каким-то, как говорил отец, упрямством, хотел и делал все сам. Травы собирал и зелье готовил, никого не подпускал к самым ответственным делам, несмотря на то, что помощников имел и учеников. Упрямый казацкий характер имел закаленный жизнью и не в одной переделке. Меня считал, а не Задеригу, своим продолжением. Я же ничем подобным похвастаться

не могу. Последний я характерник. Куйбиде, Залихваке, Вертиносу я многое не передал, несмотря на их желание.

Вернидуб частенько рассказывал мне о своей помощнице, о некоей женщине, которая ему всю правду говорит. Я считал по наивности, что где-то в домике живет женщина-ведунья, которая травы собирает, лечением занимается. Батька ведь хитер был. Он сразу всей правды не говорил. Только лишь намекнет, да усмехнется в усы, а глаза при этом веселые и озорные такие, мол, знаю, что говорю. Я все ему — познакомь меня с ней, да познакомь, может и мне сгодиться, а Вернидуб постоянно говорил: время еще не пришло.

И вот как-то раз, когда я уже и забыл о загадочной женщине, батька в один из дней начала лета, хитро мне подморгнув, когда я зашел к нему в хижину, сказал, что мы поедем на смотрины. Только ты, говорит, не удивляйся и спокойно все воспринимай, а то, не ровен час, не захотят с тобой общаться. Я себе думаю, почему же со мной и не захотят общаться? В те времена не был я еще женат. На женщин молодых призывно смотрел, хоть батька, видя, как я грудь вперед при виде молодежи выставляю, только усмехался в усы. Знал, конечно, казак, где моя суженная, но, пока я ее сам не нашел, тайны не выдавал.

Собрались мы на смотрины ехать на

следующий день, но батька в тот день отправился в путь сам, а нам с Задеригой и его помощником — Сулием, наказал за ним следовать только на следующее утро. Выйдя с утра пораньше, мы через часа два после восхода солнца встретили батьку в небольшом лесочке возле упавшего дерева. Вдали виднелся курган. До него, казалось, рукой было подать. Сулий остался в лесочке с конями, а мы втроем пошли по направлению к кургану. Идем-идем, а нет никого вокруг.

«А где же тут хижина хоть какая-то? Где же молодница живет?» — возникли у меня вопросы. Хотел спросить, но взглянул на Задеригу, потом на батьку и понял, что не скажут они мне ничего. Так и шли молча до места то по балке, то по лесочкам.

Как только вышли на открытое место, Вернидуб на холм показывает и говорит:

— Вон стоит красавица.

Я посмотрел и оторопел вначале, а потом рассмеялся негромко. Батька на меня взглянул и произнес:

— А ты думал, что я тебя к суженой приведу? Так это твоя забота — стать таким, чтобы она тебя увидела и распознала, что муж ее ты.

— Мне она понравиться вначале должна.

— Ты, прежде всего, мужчиной внутри должен стать, а не только грудь вперед выставлять, да подбочениваться и ус крутить, видя молодницу.

Или ты думаешь, что саблю получил, чему-то научился, в походы походил и на этом все, за тебя любая пойдет?

— А что мало?

— Немало и не много, — отозвался батька. — Что ты, что отец, — покосился Вернидуб на Задеригу, — себя слушать не хотите, но почему-то считаете, что у вас в жизни все должно сложиться благополучно.

— Так ты ж меня женил, — отозвался Задерига. — И неплохо вышло. Четверо у меня детей. На жену гляжу, и сердце радуется...

— Ты хоть себя не обманывай. Сын-то ладно, но у тебя в голове тьмы должно быть больше. Что, не видишь какие сейчас времена?..

— Да, тревожное время, — слегка поморщился Задерига и почесал затылок, как бы стимулируя этим работу такого важного органа, как голова.

— Сарифия нас приветствует, говорит, что рада нас видеть, — перевел разговор на другую тему Вернидуб. — К себе нас приглашает в гости. Так что пойдём на холм.

— Ты не устал?

— Что это ты ко мне так участлив? — искоса поглядывая на Задеригу, спросил батька. — Мой час еще не пробил. Хожу пока что сам. Скажу, когда надо будет отдохнуть.

Недалеко оно недалеко, да упарился даже я, пока добрались до холма, тем более что не спешили. Возле холма немного постояли, батька о чем-то мысленно с Сарифией поговорил и сообщил:

— Сарифия сказала, что всех нас знает, а тебя — повернул ко мне Вернидуб голову, — давно заприметила.

— Так я ж в здешних местах не так много и бываю.

— А это значения не имеет. Страж есть страж. На то он здесь и стоит.

— И кто же его поставил сюда?

— Скиф Агнак. Он с Сарифией договорился, что она будет помогать ему, соплеменникам и друзьям его друзей, а в будущем тем, в ком увидит золотой колос.

— И что, во всех нас есть золотой колос? — не унимался я.

— Золотое зерно в колосе, — поправил меня Вернидуб.

— И что мы будем делать, когда поднимемся?

Вернидуб в это время переглянулся с Задеригой. Оба усмехнулись.

— Любить Сарифию не обязательно, но правильно относиться к ней — необходимо, — усмехнулся Задерига, глядя на меня.

— Догадался уже. Что вы меня все разыгрываете?

— Ты внимание выше пояса подними, а то оно у тебя частенько между ног болтается. Сила скоро тебе пригодится, — отметил Вернидуб, поднимая голову вверх и щурясь от солнца, выглянувшего из-за тучки. — Долго не пробудем здесь. Дело надо сделать так, чтобы никто нас не увидел, а то опять небылиц наплетут...

Батяка намекал на молву, предписывающую ему связь с нечистой силой и прочие чудеса. При чем каждый, кто что-то говорил о Вернидубе, привирал свое и в результате случай обрастал такими подробностями, что батяка выступал, чуть ли не могущественным колдуном, которого слушались духи, нечистая сила и черти. Естественно такой огласки Вернидуб не хотел. Лекарь он был, несмотря на годы, один из лучших на Запорожье и далеко за его пределами. Дело свое знал, да не всякого лечил...

— Вроде никого вокруг, — оглядевшись, предположил Задерига.

— Тогда поднимайтесь за мной. Сарифия нас заждалась.

Батяка резво взобрался на холм, осмотрел с высоты, щурясь, не видно ли кого, но степь была пустынна. Хорошо было на вершине холма, привольно и как-то необычно, как будто ты ступил на территорию, чем-то отличную от той, что была у подножия холма.

Обернувшись к каменной мадонне, Вернидуб внимательно на нее посмотрел, и уведомил:

— Страж приветствует нас, говорит, чтобы чувствовали себя, как дома, но не забывали, что в гостях. Здесь его место. Лучше, если не готов, не приближаться близко.

— Это насколько не приближаться? — вырвалось у меня.

— На пять-шесть шагов, — охотно пояснил Вернидуб.

— А то, что будет? — не умолкал я.

— Хватить сотрясать воздух. Делом займемся. Я ведь не зря тебя сюда привел. Кое-что показать нужно. Да и Сарифия сегодня благосклонна к нам. Обычно она от камня, — Вернидуб жестом указал на статую, которая сложила руки чуть ниже пояса, — не отходит, а сегодня что-то погулять решила...

— Ничего не вижу, — признался я. — А ты? — повернулся я к отцу.

Задерига лишь по усам рукой провел, но ничего не сказал.

— Не хочешь ты видеть, не настроен, поэтому и не воспринимаешь то, что возле тебя находится, — сделал вывод Вернидуб. — Ты расслабься, но будь внимательным, позволь себе видеть и слышать так, чтобы воспринять потаенное. Главное, ничему не удивляйся. Что увидишь,

воспринимай спокойно. А то ты неуравновешен и чрезмерно недоверчив.

Я постарался сделать так, как сказал батька.

— Можешь даже глаза закрыть, но внимание не ослабляй, — раздался издалека, хотя батька был рядом, его голос.

Когда ты внутри умолкаешь, снаружи начинает говорить степь. Она тысячами запахов и звуков охватывает тебя. Ты начинаешь слышать шепот трав и говор рощиц, течение речушек и полет птиц. Это сложно передать словами. Надо, как говорил батька, учиться слышать и слушать, смотреть и видеть. Чтобы овладеть этим искусством сполна, нужны годы. Просто так само по себе в тебе ничего не возникает и не появляется. Зато мир, открывающийся тебе по мере того, как ты делаешь определенные шаги, навсегда остается с тобой. С одной стороны, этот мир поражает своей красотой и разнообразием, обилием красок, а с другой, чем больше ты видишь и слышишь, — ты начинаешь понимать все отчетливее, куда движется мир и ты с ним...

Из необычно тихого состояния слушания меня вывел голос Вернидуба:

— Не поддавайся очарованию степи. Зри, а не тай от того, что видишь и чувствуешь. Не состояние должно управлять тобой, а ты состоянием. В любой момент вошел и вышел. Не будешь выполнять это

правило — быстро уйдешь из жизни, а тебе надо жить долго.

— Это почему? — спросил я, открывая глаза.

— Смысл жизни познается в жизни, — усмехаясь, молвил Задерига.

Одна его рука лежала на рукояти сабли, а другой он поддерживал травинку, которую покусывал. При этом отец внимательно всматривался в степь, отмечая в ней малейшие изменения, готовый в любую минуту отреагировать и принять меры.

— Увидишь то, что раньше не замечал, поднимешься над жизнью, многое поймешь, — пояснил Вернидуб.

Я тогда понял, что главное он не сказал.

— Сарифия с тобой поговорить хочет. Нравишься ты ей, — внезапно отметил Вернидуб. — Только не говори с ней прямо, а через энергетический шар. Я его сейчас для тебя создам. Понял?

— Попробую.

Я прикрыл глаза и вдруг слегка оторопел: передо мной, чуть слева от каменной статуи, стояла необычайной красоты женщина. Ее одежды чем-то напоминали скифские, но все-таки убранство Сарифии было отлично от них. От наряда Сарифии веяло чем-то неземным и загадочным, полным притягательности и одновременно едва заметной

усталости и какой-то потаенной грусти. Тем не менее, присутствие Сарифии очаровывало. Лицо женщины, правильное с большими, широко раскрытыми глазами, диадема с кристаллом по центру лба, богатое убранство головного убора, — все говорило, что передо мной не обычная женщина.

— Сарифия показывает тебе себя, — раздался, как будто издалека, еле слышный голос Вернидуба. — Я буду с тобой говорить мысленно, а ты слушай. Меня от нее отличить ты должен.

— А что можно спрашивать у Сарифии?

— Подумай. Я тебя ни в чем не ограничиваю.

Внезапно во мне возникла мысль:

«Я Сарифия, прибывшая на Землю с планеты Яртия».

Сразу после этого я увидел внутренним взором солнце, вокруг которого вращались круглые шарики. Луч, исходящий из руки женщины, указал на одну из них.

«Моя Родина погибла давно. Мы приняли решение перейти на Землю. Части уолитов удалось уйти, но большая часть погибла. Здесь мы помогаем вам, но все меньше тех, кто видит и слышит нас. Мы умираем, как и здешний мир, но делаем это тихо и незаметно сами для себя».

«А почему ты решила выбрать камень? Ведь можно было воплотиться в телах людей».

«Люди? Людей все меньше. Их место, когда ты научишься видеть истинную суть, занимают кто угодно в людском подобии. К тому же камень прочнее. Пройдут столетия, даже тысячелетия, прежде чем он рассыплется, если, конечно, его не разобьют. К тому же при частых воплощениях способности рано или поздно будут забраны, а здесь я пока что их не потеряла. Тем более что мне помогают...».

«Батяка помогает?» — уточнил я, но Сарифия оставила мой вопрос без ответа.

«А сколько лет ты уже здесь стоишь?»

«Скифов и сарматов видела, половцев и печенегов тоже, теперь на вас гляжу».

«А татар видела?»

«И не один раз. На мне все записано. Могу показать, когда это было в последний раз».

«А что хочешь за информацию?»

«Твое участие. На меня наезжают часто. Есть черные уйлы (каменные статуи, в которых воплощены темные энергии), которые противостоят мне и хотят меня уничтожить».

«А что я могу сделать?»

«Я научу тебя», — услышал я мысль Вернидуба.

«И ты сама по себе?» — продолжал я расспросы.

«Как и ты. А кто еще тебе нужен?»

«Семья и жена».

«А ты готов их защитить и сделать так, чтобы твои дети пошли по стопам отца?»

«Я казацкого рода. Мои дети будут казаками, как и я».

«Это ты так думаешь. На самом деле это не совсем так...».

«Что ты имеешь в виду?» — спросил я, но Сарифия мне ничего не ответила.

— Хватит на первый раз, — раздался тихий голос батьки.

Я открыл глаза. Вернидуб сидел рядом. Его волосы слегка шевелил ветер. Чем-то батька был похож на волхва. Длинные волосы, спадающие на плечи, повязка на лбу, перехватывающая их, усы, придавали Вернидубу внешний вид древнего русича, только безбородого (Вернидуб бороды не носил), каким-то самым чудным образом еще сохранившегося в здешних краях.

Степь все также была тиха. Вдали виднелись силуэты диких быков и других животных. Слабый ветерок, играя высокой травой, как будто бы забывал, что он делал и утихал, а травы, которые были особенно густы возле холма, что-то тихо шептали.

— Видел Сарифию? — спросил Вернидуб.

— Да, — ответил я. — Только одета чудно как-то. Я даже у скифов таких одежд не видел.

— Ты много чего не видел, — отозвался Вернидуб. — Сарифия после этого будет помогать тебе. Тебе разрешен доступ в банк ее данных. Только не злоупотребляй такой возможностью, а то закроет. Через банк данных можешь получить информацию о любом объекте, который находился в поле ее видения. Можешь, конечно, и сам посмотреть, но случаи бывают разные...

Внезапно батька замер.

— Пора уходить, — негромко заметил Задерига. — Едет кто-то. Вскоре здесь будут, но уйти, если мы сейчас спустимся с холма, мы успеем.

— Да, пора уходить, — сразу же согласился с отцом Вернидуб.

Он быстро встал, слегка размял ноги, взял посох, сумку, накидку, на которой сидел, и сразу же начал спускаться с холма.

«Жду вас, приходите», — прозвучало у меня в голове, когда спускался.

«Это Сарифия нас приглашает», — сразу же мысленно пояснил Вернидуб.

Через несколько минут нас уже не было на месте. Только Сарифия — страж степи, все также с высоты холма взирала на степь.

Шли столетия, сменялись народы, населяющие здешние земли, прокатывались волны нашествий, менялось лицо земли, времена года, но

неизменно стояла, стоит и будет продолжать взирать с высоты Сарифия.

Только лишь в ваше время, потомки, она покинет свое место. Алчность, жадность, желание поживиться за чужой счет, разграбив могилы, чей покой охраняла каменная баба, в конечном итоге приведут к тому, что каменное изваяние будет разбито, а тонкая оболочка рассыплется. Некому будет позаботиться о Сарифии. К тому времени наступят суровые времена. Не останется тех, кто может ей помочь. Впрочем, я никого не виню. Будущее, чьи картины я все чаще вижу во всей своей отчетливой неприглядности, говорит само за себя, но все-таки в нем еще сохраняется лучик солнца и надежды, лучик воли, обещающий со временем утвердить с новой силой такое явление, как жизнь.

Агнак

Молодость — пора, быстро проходящая. Как правило, пока ты молод и чувствуешь избыток сил, которые надо куда-то деть, действия твои, скажем честно, мало разумны. Поэтому бывалые казаки, глядя на подбоченившихся молодых хлопцев, прямо сидящих на конях и выставяющих грудь вперед, только лишь посмеиваются в усы. Я до той поры, пока в волосах все чаще не начала

проскакивать седина, не слишком задумывался о причинах усмешек казацких батек. Их становилось на Сечи все меньше. Прежние казацкие обычаи уходили в небытие, как и их носители. Мир незаметно становился другим. Даже песнь степей, которую я слышал с детских лет, под завершение моей жизни звучит уже по-другому. В ней меньше жизни и раздолья. Война, идущая с все большим ожесточением, подрывает силы народа. Лучшие сыны погибают, а те, кто выживают, по большей мере не хотят быть верными делу отцов и дедов.

И дело тут не во врагах, не в турках, не в татарах и не в поляках, а в нас самих, в том, что происходит внутри каждого из нас. Казаки не проиграли бы решающих битв, не будь предательства в наших рядах. Кто-кто, а я, Василь Галайда, это точно знаю. Только знание мое уже не может помочь тем, кто руководит казаками. После смерти Богдана равных ему вождей, несмотря на просчеты, которые он допустил, нет. Выговский еще больше, чем Богдан, запутался в себе и в той ситуации, которая сложилась. Его победа (речь идет о битве под Конотопом в 1659 году) не принесла ожидаемых результатов. Гетманы сменяются быстро. А вскоре их станет несколько и каждый из них будет все более не свободен, а это значит лишь одно: кровавое междоусобье и Руину. Хорошо, что не доживу до этих времен. Нет сил смотреть, как

режут Нэньку (Украину) на куски, кромсают, как могут, стараясь оторвать кусок жирнее.

Пир затеяли черные вороны, а блюдо — Нэнька. Сейчас мне уже за девяносто, а на дворе 1662 год. Что-либо сделать, махая саблей, не представляется возможным. Да и с каждым годом, глядя на ситуацию, все четче уясняю для себя одно: только лишь саблей образовавшийся клубок противоречий не разрубить. Нужен муж, личность, которая сможет, дойдя до власти, править твердой рукой, а такой личности нет. Ее, если она появится, уже не допустят до весла управления. Каким-то чудом до власти добрался Богдан, но даже его ближайшим соратникам до него далеко. Не идеализирую Богдана. Совершил он много ошибок, но попробуй устоять, когда тебе в глаза улыбаются, а чуть отвернешься, желают, чтобы быстрее со свету исчез. Какой бы не был у тебя характер закаленный, а магическая работа против тебя, ведущаяся изо дня в день, подрывает силы, и ты начинаешь чудить. У каждого это по-своему проявляется, но результат один, если не защищаться: быстрый или не очень уход.

Излюбленная тактика наших врагов состоит в том, чтобы казаки между собой передрались и истожили себя в войнах. Такая тактика соответствующий результат дает и оправдывает надежды тех, кто ее реализует. Я всякий раз

убеждаюсь в правоте слов батьки. Вернидуб не раз и не два говорил: «Придет время, когда ты многое поймешь, даже будешь знать, что делать, но ничем помочь Нэньке не сможешь». Я вначале вообще внимания на эти его слова не обращал, а потом думал, что они ко мне отношения не имеют, затем хотел, чтобы Вернидуб ошибся, но вышло так, что батька оказался прав. Как в воду глядел характерник. Впрочем, тут и воды не надо было. Взглянешь, и все сразу понятным становится.

Невеселые, конечно, размышления, но время такое. Хотя, на самом деле еще и не такое смутное и трудное, как вскоре будет. Куйбиде, которой считает меня своим учеником, предстоят еще более трудные времена. Он не знает, что его ждет, и всем своим видом показывает: «Покажи мне все, что умеешь. Не подведу тебя».

Есть у Куйбиды талантливый ученик — Омеля, по прозвищу Хватко. Парень действительно хваткий. Все в руках спорится. Тело гибкое к нагрузкам привыкшее, а вот с головой проблемы. Тямы мало. Вначале делает, а потом думает, что же с этим делать. Смотрю на него и себя вспоминаю. Я, когда чудил, меня хоть отец или батька могли подстраховать. Его же некому. Куйбида всем необходимым, чтобы на уровне подстраховать, не обладает. Впрочем, отдаю себе отчет в том, что во многом это не его вина.

А рассказать я хотел, глядя на учеников Куйбиды, случай, который произошел со мной в молодости, когда я только-только вернулся на Сечь, вырвавшись из окружения под Солоницей, где много казацкого люда полегло. Описал ту битву и свое участие в ней в записках. Мне тогда двадцать шесть было. После поражения для казаков настали тяжелые времена. Хотя, оглядываясь в прошлое, скажу, что тогда все же было лучше, чем сейчас.

Батяка тогда, как только я отдохнул и в себя пришел, вызвал меня к себе. В то время он на Хортице проживал, хотя имел еще несколько мест, где вполне мог жить, даже зимовать. Да и какой же казак, если у него в голове что-то есть, а в карманах еще и что-то звенит, себе не приготовит убежище в преклонные годы, когда не очень быстр, хотя сознание работает, шустрее, чем у молодого? Нет таких. Казацкое братство братством, приютят тебя в курене или в казацких лагерях, если нужно, в беде не оставят, но каждый сам за себя думать должен. Поэтому Вернидуб с некоторого времени с двумя своими помощниками, Кульбабой и Медунцом, а также с их учениками, которые травниками и лекарями учились быть, в разных местах имел жилища, где хатку, а где и пещеру, про шалаши не говорю. Их несколько десятков было разбросанных по Запорожью и за его пределами в укромных местах.

В свои девяносто лет не выглядел Вернидуб стариком с трясущимися руками, которого жизнь согнула, да так, что он на свет белый посмотреть не может. В девяносто два года выглядел батька на лет шестьдесят. Сам ходил не по одному часу по степи и лесочкам, травы собирал, веслом управлялся, твердой рукой направляя лодку в бесконечном сплетении рек, заливов, озерца и речушек, которые начинались сразу же за порогами, начиная от Хортицы. Все заливы и речушки знал на Базавлуке (имеются в виду Конско-Базавлукские плавни), но не в этом дело. Казацкая наука, впитанная с детства, сделала батьку умным, крепким, а еще больше тямущим.

Зачем я Вернидубу понадобился, я не знал. Взглянув на меня, когда я прибыл на Хортицу, батька хитро прищурился, удержал усмешку вот-вот готовую появиться на лице и заметил: «Ты вовремя. Завтра отправляемся». Как я не расспрашивал его и помощников, они все отнекивались, усмехались в усы или говорили, что мне знать об этом еще время не пришло, укоряя в торопливости. Оставалось ждать. Хорошо только, что недолго. Я же по натуре любопытный был. Все меня интересовало. Мимо не проходил, чтобы не расспросить. Вернидуба мой нрав задевал. Он только головой водил, когда видел, как я в очередной раз проявляюсь, говорил, что я за свой

упрямый характер, который надо менять, еще сполна получу все, что дадут...

Утром, после восхода солнца, пока не жарко было, мы на чайке (казацкая лодка) добрались до порогов, вышли на берег, где нас уже ждали давние друзья батьки. Путь наш лежал вверх по Славуте. Почему батька затеял такую поездку, понял я не сразу. На конях добрались мы до места, где снова в чайку пересели, а потом поплыли вверх по Днепру. Вышли мы на берег, не доходя до Чигирина. Путь неблизкий. Тут даже бывалые казаки устать могут, не говоря уже о Вернидубе. К тому же после поражения в урочище Солоница казакам путь вверх по Славуте был запрещен, но кто же запретов придерживается? Надо и все тут. А чего надо, я не знал, но батьке доверял. Он напрасно ничего не делает. Да и авторитет у характерника был такой, что слушались его остальные беспрекословно, хотя Вернидуб никому и ничего не приказывал, говорил только, что надо сделать. Сказанное батькой воспринимались казаками, как руководство к действию.

Вернидуб, а взял себе новое имя батька недавно, был известным казацким атаманом, знал Байду Вишневецкого и вместе с ним, руководя казаками, защищал еще замок на Малой Хортице, но потом отошел от дел, исчез и долгое время вообще не появлялся. Прежний казачий атаман

умер, а вместо него появился характерник, который все знал, все видел и многое умел. Мог сделать так, что казаки пьянели, выпивая воду вместо горилки. И это только малюсенькая часть того, что умел делать Водопьян, — так звали батьку ранее. Впрочем, имен у него было не два и не три. Вернидуб же — самое последнее имя и самое распространенное имя батьки, как и дед Верник, который, как шутили казаки между собой, неизвестно откуда появлялся и точно также исчезал, как будто его и не бывало. Сказывали, что батька с нечистой силой якшается, может духов вызывать, а взгляд его такой тяжелый, что мелкие камни, послушные его воле, отрываются от земли. Да чего только люди не наговорят, округляя глаза и оглядываясь по сторонам, чтобы их кто посторонний не услышал.

Был Вернидуб добрым и отзывчивым казаком, с годами жизнь не ожесточила его, несмотря на то, что многое в ней он прошел и повидал. Его доброта и отзывчивость, как я вижу сейчас, были стержнем личности человека, обладающего необычайным жизнелюбием и спокойной удачей, знанием жизни, которое уже в наши времена редко в ком из казаков с такой силой проявлялось. Поэтому-то батьке были открыты многие тайны, об одной из которых я и расскажу.

Всех перипетий, как мы добрались до места,

нет смысла рассказывать. На месте нас уже ждали два казака. Один из них, лет пятидесяти, стоял вместе с молодым сыном. Завидев батьку, Никита Ярыч усмехнулся в усы. Как оказалось, он, как и мой отец, был одним из учеников Вернидуба. Два казака отошли в сторонку, чтобы переговорить без лишних ушей. После приветствий батька спросил:

— Путь мы неблизкий проделали. Ты не ошибся, все так и есть?

— Скиф на меня трижды выходил. Один раз я с ним поговорил мысленно. Тебя ждет. Хочет тайну поведать. Больше, говорит, некому сказать.

— Припекло видать, если не ловушка это.

— Говорит, что нужно успеть. Времени немного осталось...

— Я еще в мир иной не тороплюсь. Здесь пожить охота. Да и помощников, видишь, всему еще не обучил, — слабо усмехнулся Вернидуб, едва заметным жестом указав на нас.

В общем, в конце августа мы дней на десять остановились в здешних местах. Всего нас было с батькой и двумя пришлыми двенадцать казаков. Вернидуб, когда мы ходили по местности, а курганов в здешних местах хватало, брал на поиски меня, Кульбабу и Никиту Ярыча. Нужный ему курган мы нашли на второй день, после прибытия в эту местность. Здесь никого не было, но мы, чтобы не привлекать к себе внимания, соблюдали меры

предосторожности и скрывались в маленьких лесочках. Чего ждал батька, я тогда не знал, даже не предполагал, каким образом это может меня касаться.

На третью ночь пребывания в здешних местах мне приснился странный сон. В нем мужчина-скиф на коне стоял на возвышенности, потом, сойдя с коня, он обратил взор к солнцу и выкрикнул призыв, собрав ладони перед ртом для усиления. На его зов откуда-то с небес откликнулось и приблизилось к нему существо в виде белой кобылицы, внешне уж очень похожей на женщину. Скиф назвал ее Рия. Имя было длинное, но я запомнил только лишь три первых буквы. Рия что-то сказала скифу, по всей видимости, это был вождь, и исчезла. Скиф же после этого ускакал, но мой сон на этом не закончился.

Я увидел краем глаза несколько битв. После одной из них мужчина, уже знакомый мне, лежал на поле сражения убитый. Ему было лет пятьдесят. Скиф был умелым воином, о чем свидетельствовали погибшие рядом враги. Вот только потом я увидел мужчину, тоже скифа, который, хищно усмехаясь, смотрел со стороны на погибшего вождя. Это был жрец, судя по одеянию. И он, что было точно видно, не питал к скифскому вождю добрых чувств. Над жрецом кружил ворон, а также в воздухе над ним висело изображение

черепу коня. Эта картина побудила меня проснуться. Сразу же, как только наступило утро, я уже говорил с Вернидубом. Батяка, слегка усмехаясь, слушал мой рассказ. Когда я закончил, Вернидуб, подумав, сказал:

— С нами хотят побеседовать. Со мной пойдешь.

— Кто хочет беседовать?

— Тот, кто приходил к тебе во сне и себя показывал. А как, по-твоему, он еще мог дать о себе знать?

— Скиф? — уточнил я для себя.

— Либо ты недогадлив, либо совсем не соображаешь. Последнее, глядя на тебя, не скажешь. Сообразительным надо быть там, где нужно.

— А когда пойдём?

— Перекусим и двинемся, чтобы в животе не подсасывало. Побродить, возможно, придется.

— А о чем мы с этим скифом будем говорить? — спросил я и осекся, глядя на батяку.

Больше вопросов у меня не возникало.

Мы втроем: я, батяка и Никита отправились, перекусив, на поиски. Кульбаба и Жертень, помощники Вернидуба, хотели с нами пойти, но батяка жестом остановил их.

— Сами управимся, — вырвалось у него.

Помощники больше вопросов не задавали и

себя в помощь не предлагали.

Как только мы отошли на достаточное расстояние от лагеря, батька остановился и повернулся ко мне. Какое-то время он смотрел чуть мимо меня, слегка щурясь, как бы взвешивая, говорить мне или нет, а потом сказал:

— К скифу идем. Он хозяин здешних мест. Их сторожит и за богатствами наблюдает. Зовут его Агнак. В прошлом он вождь племени. Что бы ни происходило, не удивляйся и не бойся, иначе дело не сделаем.

— Агнак нам вреда не принесет, — дополнил батьку Никита и усмехнулся.

— Ты его видел?

— Как и ты, — отметил Никита.

При этом усмешка с его лица сползла.

— Будет вам. Пошли, — распорядился Вернидуб.

— Может, я поведу? — предложил Никита.

— Нет, Василь дорогу покажет.

— Я?!

Удивлению и недоумению моему не было предела.

— Чего оторопел? — раздался голос батьки. — Учись. Тебе много в жизни сделать предстоит. Я помогу.

Пришлось стать впереди и, опираясь на чувства, вести за собой Вернидуба и Никиту. В

такой роли я еще не выступал. Впрочем, дело свое я сделал, на место привел...

И тут мне видится необходимым кое-что пояснить потомкам, чтобы было понятно, о чем идет речь. Мне в дальнейшем пришлось некоторой мерой изучить скифские обычаи. Не чужие, а предки все-таки, как-никак... Только обучение мое шло, если так можно сказать, при непосредственном общении, а также посредством изучения информации, которую о себе оставили предки. Говорю очень кратко, чтобы прояснить суть вопроса. В полной мере скифские обычаи и нравы я привел отдельно, как и их взгляды на мир, на себя и на окружающее. Это были сильные и смелые люди. В будущем о них наплетут много небылиц, выставив этакими варварами.

Скифов уничтожила магическая работа против них и внутреннее вырождение, а также, как это было и будет принято, предательство жреческой верхушки и некоторых вождей. Богов у скифов не было. Точнее сказать, часть скифских племен поклонялись и Папаю, и Небесной кобылице, но в основном скифы чтили родоход, зная своих дедов и прадедов, а также выдающихся вождей. Их культура сошла в небытие, но, что хуже всего, потомки окончательно уничтожат их, начав массово раскапывать могилы, алчно собирая все, что осталось от этой культуры, начиная с запонок и

заканчивая оружием, предметами обихода. В наши времена скифы еще были сильны. Их мир еще не пропитался так темными энергиями, поэтому-то редко, но они еще выходили на лучших представителей казачества. Мы слышали их, но уже не могли помочь...

Касательно Агнака и его появления в моем сне скажу следующее. По законам скифского племенного союза вождю для перехода в иной мир требовалась энергия, особенно, если этот мир находился за пределами Земли. Скиф Агнак — представитель племени герриков, занимающих ведущее место в племенном скифском союзе, не хотел больше воплощаться, о чем и сообщил жрецам, чтобы те после его смерти совершили положенные обряды. Он желал, чтобы его дух и тонкие тела были препровождены в Сокал, место далеко за пределами Земли, в котором они могли, как скиф считал, находиться бесконечно долгое время, не подвергаясь распаду.

Сокал располагался в мирах Большой Медведицы, в самом главном и ведущем мире — мире Сварг. Агнак не знал, что к тому времени этот мир уже не выполняет прежних функций, что тела в нем точно также подвержены распаду, как и в других местах. Поэтому он настаивал на том, чтобы анары (скифские жрецы) препроводили при ритуале погребения его дух, энергии ума, разума и сознания

в Сокал.

Жрец Пуртай, являвшийся главой анаров, обещал еще задолго до смерти Агнака все сделать так, чтобы тот попал в Сокал без помех. Агнак считал, что там с ближайшими помощниками он продолжит счастливое и беззаботное существование в обществе таких же, как и он, вождей. Поэтому смерть для него была лишь точкой перехода в иной, еще более счастливый мир, когда не надо носить физическую оболочку, где нет лишений и где ты, живя, не ослабляешься и не умираешь. Скифский вождь Агнак имел лишь начальную степень посвящения и не был осведомлен о действительном положении дел в космосе и на Земле. Его могилу сразу после смерти отметили, насыпав сверху курган.

Скифы шли к могиле длинной чередой, и каждый нес в мешке из шкур землю. Так повторялось до тех пор, пока верховный анар Пуртай не отдал команду прекратить насыпать холм. После того, как могила была полностью закончена, все мужчины по приказу Пуртая образовали вокруг нее несколько колец, взявшись за руки. По приказу Пуртая они сделали под священные слова столько взмахов руками, сколько говорил жрец. Смысл действия состоял в том, чтобы направить энергию людей на тонкие тела Агнака так, чтобы они были перенесены энергетическим

потоком в место, где в дальнейшем должны были продолжить свое существование. Руководили всем этим действием Пуртай и его ближайшие помощники.

Вот только Пуртай обманул Агнака. Он не собирался переносить его туда, куда была намечено. Вместо Агнака в Сокал были перенесены тонкие тела других скифов, в том числе и друзей Пуртая. Энергия скифов, таким образом, была использована не по назначению. Ум, разум и сознание Агнака, другие его оболочки Пуртай намеревался распылить, но сделать этого у него не вышло. Агнаку помогли. Сделал это тайно один из жрецов за то, что при жизни Агнак помогал его отцу. Сартай, так звали жреца, укрыл энергии Агнака, но долго в таком виде энергии не могли существовать, поскольку быстро распались бы, да и Пуртай жаждал довести дело до конца, чтобы не оставлять следов.

Скифы тогда много воевали, что с соседними племенами, что с общими врагами. А в их число входили тогда и персы, и эллины. Получилось так, что племя вынуждено было уйти с земель, где был похоронен Агнак, но Сартай остался под предлогом того, что ему нужно собирать травы и присматривать еще за курганами в округе. Он, когда племя ушло, поразмыслив, принял единственно правильное решение: для того, чтобы

поддержать тонкие оболочки Агнака, подключить их к каменной статуе, создав для этого переходную базу энергий, которая позволяла бы скифу отлучаться на продолжительное время от каменного изваяния. Поэтому скиф мог бродить по земле на расстоянии максимум версты от неприметной статуи, которую Сартай укрыл возле одного из холмов.

Таким образом, Сартай определил Агнаку продолжение существования, но не там, где он хотел, а на Земле, совсем рядом с тем местом, где он был захоронен. За тысячелетия энергии оболочек Агнака должны были рассыпаться. Здесь Сартай был бессилён что-либо предпринять, но он, поразмыслив, решил впоследствии создать ещё несколько энергетических баз в статуях и в других предметах так, чтобы Агнак мог перемещаться от одного места к другому. По сути, Сартай, дав продолжение энергиям Агнака, сделал его одновременно и привидением, и стражем данных мест. Сюда люди избегали забредать, считая Агнака нечистой силой. На самом же деле дремучее невежество не может быть ничего, кроме безграничной глупости и ограниченности.

Как оказалось позже, батька, откликнувшись на призыв Никиты Ярыча, прибыл на место, чтобы разобраться с возникшей ситуацией. К Никите Агнак пришел во сне и сказал, что ему надо

поведать важную тайну, только не Никите, а тому, кто старше его, дальше видит и больше знает. Никита, понятное дело, сразу же сообщил Вернидубу через посыльного о случае, а батька, поразмыслив, решил откликнуться, хоть раньше, по его же словам, он в такие дела не вмешивался. Что-то подсказало Вернидубу, что ему надо прибыть на место, что он с нашим участием и совершил.

Водил я по местности Никиту и Вернидуба не так и долго. Солнце еще не взошло высоко, как я подошел к группе деревьев, которая находилась вблизи невысокого холма. Рощицей это сложно было назвать, но в низине была вода. Я вначале почувствовал это, а потом, когда мы подошли к месту, увидел даже не озерцо, а большую лужу. С одной стороны, над водоемом было возвышение, а на нем находился, вкопанный в землю каменный столб. Его-то и каменным изваянием сложно было назвать. Еле угадывались на столбе руки, которые сжимали чуть ниже пояса рог. Подойдя поближе, я понял, что пришел, куда надо. Обернувшись назад, я посмотрел на Вернидуба. Он молчал, но в глазах его я увидел веселые огоньки, а это означало, что мы пришли на место.

— Как-то так я себе это место и представлял, — раздался голос Никиты.

— Да, — подтвердил Вернидуб, — скиф

где-то здесь притаился. Это он нас вел. Срочное у него что-то, раз так настойчиво тебе во снах являлся. Только, чтобы ни происходило, молчите. Вы меня поняли?

Вернидуб развернулся и внимательно посмотрел на нас, переводя взгляд с Никиты на меня.

— За тебя, — обратился батька к Никите, — я спокоен, а ты, — взглянул Вернидуб на меня, — тайну эту никому, даже лучшим ученикам не передавай. Умрет она с тобой. Так лучше и спокойнее всем будет...

Что-то знал Вернидуб важное, но нам не говорил. Все вместе мы после краткой беседы спустились в низину под зеленый свод деревьев. Вокруг было тихо и прохладно. Только журчала вода, пробиваясь у подножия каменного столба и стекая в озерцо. Природа вокруг жила обычной жизнью, но что-то было в окружающем загадочное, что нельзя охарактеризовать словом, как чье-то незримое присутствие, которого вроде бы и нет, но все-таки, если прислушаться, оно есть.

— Видите, слышите что? — раздался тихий голос батьки.

— Здесь он рядом, — подтвердил Никита. — Смотрит на нас, но заговорить первым не решается.

— Ты что скажешь? — обратился батька ко мне.

— Чьи-то энергии вижу, но чьи — пока неясно.

— Ты глаза прикрой, видь внутренним взором, как знаешь. Я сопровожу твою работу и защищу. Хозяин здешних мест нападать и наезжать не будет. Он хочет что-то сказать. Последний он. Остальные не выжили.

На что Вернидуб намекал, я понял чуть позже. Сразу же после слов Вернидуба в метрах семи от себя сразу за каменным столбом я увидел мужчину-скифа, в наряде вождя. Вокруг него по контуру яйца исходило сияние. Мужчина-скиф стоял, уперев руки в боки. Одной рукой он охватывал рукоять меча, а вторая лежала на поясе.

— Поздоровайся с ним, — внезапно услышал я шепот Вернидуба.

— Как?

— Пожелай доброго дня и выслушай ответ.

Когда я все сделал так, как сказал батька, скиф едва заметно наклонил вперед голову. Его энергии при этом слегка затрепетали, как от волнения.

«Приветствую друзей, — был ответ. — Все-таки дождался вас. Сил уже нет терпеть. Скоро распадусь, а сказать еще многое надо. С тобой буду говорить, — обращаясь ко мне, сразу же заявил скиф о намерениях. — Выслушай. Зла не причиню. Другим можешь переводить. Так даже лучше будет».

Я сразу же озвучил мысли, которые услышал.

— Коли так, — откликнулся батька, — пусть говорит, зачем звал.

«Я страж здешних мест. Знаю, где кто лежит, знаю, где клады и золото».

«Нам, зачем говоришь? — вырвалось у меня. — Проверяешь?»

«Золото и клады все равно разграбят. Я же знаю, где лежит то, что можно взять без того, чтобы навлечь на себя проклятия. Смотри и запоминай».

В следующее мгновение внутренним взором я увидел карту данной местности с обозначением на ней захоронений и других мест. Золотыми кружочками на карте были обозначены места нахождения золота.

«Запомнил?» — прозвучало в моей голове.

«Нет, еще не успел».

«В здешних местах, если будет нужно, когда ты мысленно затребуешь карту и произнесешь слова, которые я тебе скажу, — сразу же прозвучали слова скифа, — ты увидишь план. То, что можно взять, будет обозначено вот таким знаком».

Внутренним взором я увидел знак, который не с чем было спутать, настолько он был выразительным и особенным.

«Это мой личный знак, — воспринял я мысль, посланную мне Агнаком. — Там можешь брать то,

что тебе нужно, но не все. Надо оставить всего по одной вещи. Это запомни. Иначе, навлечешь на себя и свой род неприятности. А их у тебя и так хватает».

Я перевел слова скифа Вернидубу и поделился с ним впечатлениями:

— Мне угрожают?

— Предупреждают, — отозвался батька. — Силы у скифа действительно нет. Скоро его энергии рассыплются. Мы вовремя прибыли. Спроси, как его зовут и что он хочет за информацию и совет. Просто так ничего не делается.

Когда я по совету батьки спросил у скифа, что ему нужно от нас, то услышал ответ:

«Ты должен будешь передать саблей от меня привет одному казаку. У него черная хара (сила). С вами он враждует, за вами следит и ждет момента, чтобы ударить в спину. Старший (скиф имел в виду Вернидуба) с ним уже не справится, а ты сможешь. Таково мое условие».

«А зачем тебе смерть казака?»

«Не казака, а оборотня, — поправил меня скиф. — Я должен был отправиться в Сокал, но меня предал Пуртай. Он переправил в мир тонкие тела других скифов, меня же хотел уничтожить, но у него ничего не вышло. Мне помогли и сделали так, что я стал стражем здешних мест, получив

воплощение сразу в нескольких камнях. Мне нужна энергетическая база. Прежняя исчерпалась. Я на грани распада. Пуртай же, одно из его воплощений, казака с черной харой».

Я, когда передал эти слова Вернидубу, сразу услышал ответ:

— Знаю я, о ком сказ. Это казак Бурба Валишец.

— А мне, что ответить? Что мне, кому-то смерти искать из-за обещания? Меня больше интересует, как он узнал, что Пуртай и Бурба Валишец — воплощения одного и того же духа?

— Об этом его сам и спроси, — посоветовал Вернидуб.

Сам батька при этом все видел и слышал, но предоставлял право вести беседу мне, лишь наблюдая со стороны за всем, что происходит.

Когда я спросил скифа о том, откуда он знает о казаке, то услышал ответ:

«Я много чего знаю и вижу. У меня есть свой эсурн (банк данных). Туда складывается вся информация не только от меня, но и от таких, как и я. Пропуск тебе я к нему предоставляю».

«Щедр ты», — послал я мысль Агнаку.

«Сартай мне помог, поможешь и ты».

«А кто такой Сартай?»

«Знающий и видящий анар. Его убил подло и из-за угла ученик. Сартаю тогда было уже за

восемьдесят лет. Тот, кого он воспитал, стал его могильщиком. Не попади и ты в эту ловушку».

«Я подумаю над твоим предложением», — пообещал я, но ответа не получил.

— Аудиенция окончена, — через минуту произнес Вернидуб. — Ты все запомнил?

— Вроде бы да. Необычно все это. А чего Агнак молчит, не спрашивает, согласился ли я принять его условия?

— Ты уже их принял и все мы вместе с тобой, когда сюда пришли, — пояснил Вернидуб. — Придет время, вернешься сюда. Что-что, а деньги тебе понадобятся и немалые, если не тебе, то побратимам.

Возвращались мы обратно, не проронив ни слова. Шли не спеша. Говорить было не о чем, да и не зачем. Все и так было ясно. Вернидуб тогда помог Агнаку. Батяка сделал так, что продолжил еще лет на сто его жизнь. Потом позаботился о скифе и я, но, чтобы он и дальше оставался стражем здешних мест, этого мы не смогли сделать. Слишком быстро в будущем будут меняться условия в худшую сторону.

Впоследствии я несколько раз приходил в здешние места, и каждый раз уходил не с пустыми руками. На золото от Агнака казаки купили себе немало оружия, а также домов, земли и всего, чего необходимо было и не только здесь, но и далеко за

пределами Нэньки. Я брал, как и предупреждал Агнак, только там и столько, сколько было нужно. Также хватило средств для того, чтобы поддержать моих друзей, побратимов и учеников, пока я был жив. Вот такая история приключилась со мной в жизни.

С Агнаком я несколько раз беседовал. Ему со мной было интересно. Я спрашивал, скучно ли ему одному и всякий раз получал ответ: «Бесконечно долго можно смотреть на землю и на воду, а также на людей, делающих свое дело. Не хочу смотреть на мертвецов в будущем, думающих, что они живы, а на самом деле влачащих жалкое существование, уничтожая степь».

Эти слова Агнака, который видел будущее, я запомнил на всю жизнь. И сейчас, под ее окончание, частенько взбираясь на курганы и проводя там время, я думаю о том, насколько был прав скиф, который благодаря проискам врагов не ушел, как хотел, в Сокал, а остался на Земле, пока его энергии не рассыплются в прах.

Афанасий

Рассказывая о своих, несколько необычных знакомых, ловлю себя на мысли о том, что потомки, прочитав о них, могут подумать, что казак только лишь с каменными статуями и общался, а про

реальных людей забыл или они ему так надоели, что их и не вспоминает. На самом же деле это и близко не соответствует действительности. За свою продолжительную, как для казака жизнь, я, Василь Галайда, посмотрелся на разных людей. Причем на Сечи и в казацких зимовках иной раз встречались такие типажи, что рассказать хотя бы отчасти их историю, было бы уместным и поучительным, несмотря на то, что некоторые из них больше принадлежали к казацкому люду. Помогали казакам, жили вместе с ними, редко, но участвовали в походах, но службу не несли и в реестр записаны не были.

К числу таких людей и принадлежал Афанасий, получивший среди казаков кличку Богомаз. Жил раньше Афанасий в Московии в одном из монастырей, лики на досках малевал, многое знал про бога и про его заветы. Вот только ремесло, которое кормило его, в конце концов, сыграло с ним злую шутку. Много стал видеть Афанасий и ничего с этим поделать не мог. Претила ему людская несправедливость, когда служители говорили одно, а поступали по-другому. Он бы и это стерпел, но, когда узнал, что местный поп, кроме того, что все, что говорили на исповеди, докладывает местному пану, еще до девок охочий, а за деньги, что угодно сделает, совсем Афанасию невмоготу стало.

Решил Афанасий сдуру поговорить с батюшкой. Поговорил, да так, что на него епитимью (наказание в виде постов, молитв, голодания, налагаемое старшим служителем в церковной иерархии на младшего) наложили и начали грозить от церкви отлучить. Но и такую несправедливость стерпел Афанасий. Дело свое очень любил, да видел много. А у кого дар видеть начинает открываться, тому и вовсе не везет, если он с ним не знает, что делать. Так недолго и помереть молодым. Афанасий же излишне честен был и всерьез полагал, что то, что говорится, то и делается. Может, он бы и дальше лики писал, пока не загнулся бы или его со свету не сжили, да произошел с ним один случай.

Как-то ночью, когда Афанасий спал, явился к нему поп, который на него епитимью возложил и начал, было, его поучать, как себя вести. Сам весь такой, как Афанасий рассказывал, в одеждах дорогих, в руке крест, а на голове шапочка. И все бы хорошо, да вдруг видит Афанасий, что шевелится на голове у попа шапочка, а из-под нее рожки небольшие прорастают, да так, что шапочку эту приподнимают. А говорит поп складно, не завирается, его к порядку призывает. Афанасий бы и поверил, но задело его то, что он видит. Он попа и спрашивает:

— А что это у тебя шапка все

приподнимается, а под ней клык какой-то виднеется?

А поп ему и говорит:

— Так это у меня от благостных дел голова пухнет. Скоро от нее свечение пойдет. А ты, грешник, покайся. Сразу легче станет и мне тоже.

Афанасий уже хотел сделать так, как поп ему советовал, да остановило его слова попа, что и ему легче станет. Вот он и спросил во сне:

— А чего это каяться буду я, а легче станет тебе?

— Это потому, что мы с тобой связаны уже давно. Ты меня на себе возишь. И жизнь твоя мне принадлежит. Что хочу с ней, то и сделаю, — ответил ему поп.

Афанасий с таким положением дел не согласился. Он во сне попробовал перекрестить попа, думая, что перед ним нечистая сила стоит, но, когда это сделал, поп только оскалился. Не помогло. Афанасия во сне в холодный пот бросило от того, что он начал понимать кто перед ним. А поп этот, его Митрофаном звали, и говорит:

— Ты забудешь все, что видел, покаешься, молитвы прочитаешь, поголодаешь, очистишься, а уже потом тебя отпустит.

Таковыми были последние слова, которые запомнил Афанасий. Вот только, проснувшись в холодном поту, ничего не забыл Афанасий. Что у

него в голове повернулось, никто не знал. Со времени случая, произошедшего с ним во сне, как-то странно начал себя вести Афанасий. Все чаще с кисточкой замирал, так и не донеся ее до доски, на которой лик малевал. С некоторого времени начал созревать в его голове план, который Афанасий и реализовал. Передвигался он свободно. За ним, как он думал, никто не наблюдал. Но, то только лишь так казалось. Митрофан поручил одному из послушников приглядывать за богомазом, заметив, что он на него как-то странно начал смотреть.

А в те времена, куда люд из Московии сбегал? Только лишь на Запорожье, да еще на Дон. Времена в Московии тогда смутные были. Вот-вот война должна была начаться. Князь Иван Ливонскую войну проиграл, не так давно Девлет-Гирей Москву спалил, а Малюта свирепствовал: всех, на кого подозрение падало, в пыточную направлял. Конец людям, попавшим туда, быстро наступал. Царь Иван опричнину отменил для порядка, но опричники никуда не подевались. Для острастки некоторых из них казнили или заточили. Царь до таких дел охоч был. В общем, недолго думая, сбежал Афанасий на Сечь. Два раза чуть не погиб, но до казаков добрался-таки.

Вот только решил Афанасий с некоторого времени больше лики не малевать. К вольному

казацкому життю быстро привык, даже саблей начал помахивать. Вот только в казаки его не брали. Сечевики, глядя на него, только в усы усмехались. Афанасий долго не мог понять, почему. Он уже и в одежду казацкую переделся и поясом перевязался и шаровары одел, а все своим не был.

А у казаков как было заведено. Кошевой кошевым, как и куренные атаманы, а к казацкому батьке наведаться было обязательно. Все вопросы на Сечи в наше время решали именно батьки, выступая хранителями давних традиций. Вот и пошел Афанасий к одному из батек. Звали батьку Яков, а кликали Забудько. Вернидуба Яков считал своим учителем, вместе они были давними закадычными друзьями. Когда вместе собирались, а это частенько на моей памяти было, гопак танцевали, вспоминая молодые года, да так, что и молодым было чему поучиться.

Начинали батьки нехотя, слегка разминаясь, а как в раж входили, так, несмотря на годы, прыгали иной раз так, что я только диву давался. Молод я был тогда. Сам гопак умел неплохо танцевать, но, чтоб для батек в их возрасте такие пируэты выделявать, в это я не верил, пока сам не увидел.

Так вот, Афанасий, придя к Якову, хотел с ним за жизнь поговорить. Начал издалека, да как-то сам для себя незаметно разговорился, что всю жизнь Якову и рассказал. А Яков характерником

был, многое знал и видел. Все ему в рассказе Афанасия было понятным. Казак только лишь молчал, покуривая люльку, да ус поглаживая, а Афанасий все рассказывал. О сне своем также рассказал и замолчал как-то странно, глядя на казака. Яков тогда и говорит:

— Так что тебя мучает?

— Все в толк не возьму. Существо рогатое вижу во сне. Я его крестным знамением, а оно на меня только лишь скалится, — отвечает Афанасий, подумав. — В чем тут дело?

Яков трубкой подымил, отложил ее в сторону, посмотрел на Афанасия и говорит:

— Это потому, что ты видишь больше, чем тебе положено. Твое видение делает тебя уязвимым. Лучше было бы тебе не видеть. Не знаю, кто и зачем тебе открыл такую способность. Да только, если ты не научишься справляться с собой в связи с тем, что видишь, то недолго проживешь...

Оторопел Афанасий. Он за одно, а ему за второе.

— Что же мне делать?

— В первую очередь учиться спокойно воспринимать то, что видишь. Чем спокойнее воспримешь, тем меньше у тебя впоследствии проблем будет. Нечистая сила и черти ведь чего добиваются? Чтобы мы их боялись. А не боишься, они во многом над тобой не властны. Отступают

они, когда видят, что ты спокоен. Спокойное состояние любого из нас лучше всякого знамения их отгоняет. Они ведь пришлые. На Руси раньше этих существей не было. Из Византии к нам в гости они перебрались.

— А ты откуда знаешь?

— Я многое знаю, да не все говорю, — усмехнулся казак.

— Так что, крест и знамение не работают?..

— Так твой же черт или как там его, не ушел и не испугался. Чего вопросы задаешь? Тем более, если такая истинная суть того, кого ты видел во сне.

— Неужели Митрофан... — начало доходить до Афанасия.

Глаза его начали расширяться. Он рот раскрыл от возможного предположения. А Яков ему и говорит:

— Так ты и сам знал, что к чему, только признаться себе в этом не хотел. Да и что тут такого? Подумаешь, экая невидаль. Им-то как-то жить надо...

— А чего же он на мне сидит? Видел я, когда просыпался, что уселся поп мне на шею и руководит мною, направляет меня.

— Так ты же с ним договорился об этом, а теперь возмущаешься.

— Я ни с кем и ни о чем не договаривался, — резко возразил Афанасий.

— Это ты так считаешь. Если бы не было уговора, не ездили бы на тебе. А когда ты его заключил и почему, сие мне неизвестно, да и знать это я не хочу. Не нужно оно мне.

— И что же мне делать?

— Думать и вести себя так, как свободный человек, а не как раб. Ты думаешь, почему на тебя казаки косятся?

— Так почему? — спрашивает Афанасий и поближе к Якову пододвигается.

— Казак — душа свободная. Сабля ему вместо жены, а добрый конь — вместо дома и наследства. Зато казак имеет ум глубокий и знает, что ему делать. А ты не знаешь. Тебе нужно прежде с собой разобраться. Саблю ты пока что держать в руках не научился. Хоть и одеваешься, как казак, но им не стал. Вначале надо свободу свою найти, от груза освободиться, а потом уже, может быть, тебя в казаки возьмут.

— Так почему же на меня казаки косятся? — не отставал Афанасий.

— Потому что ты по духу не казак. Ты сам себе рабство определил. Не знаю, как у тебя сил хватило на Сечь сбежать из Московии. Судьбу себе ты только начал менять. Вот здесь, — показал Яков на голову, — прийти надо к тому, как необходимо жить и кем в жизни быть. Воля и неволя рядом ходят. Они, как женщина, кого выбрал, с тем и жить

придется. Ты пока что от одного не ушел, а к другому только приходить начал. Поживи в наших краях годков пять. Зимовать, я вижу, тебе есть где...

— Да. Хлопцы умереть не дадут, — подтвердил Афанасий.

— Так ты женись. Что одному жить? Ты не в монастыре, да и казаком пока не стал. В походы не ходи, не советую.

— Почему?

— Убьют тебя, — как-то даже просто ответил Яков. — Твое сознание не настроено на то, чтобы чувствовать опасность и делать все для того, чтобы, когда встретишься с врагом лицом к лицу, его победить, а самому выжить. Поэтому ты — легкая добыча для сабли и пули.

Афанасий подумал-подумал, а потом и говорит:

— А ты меня казацкому искусству научишь? Я буду делать все, что скажешь.

Яков какое-то время молчал, а потом взял в руки погасшую трубку, покрутил-повертел ее в руках и отвечает:

— Не готов ты к тому, чтобы впитать в себя казацкую науку. Да и зачем она тебе? Ведь то, что она говорит, мало соотносится с тем, что в тебе есть. Я тебе, как другу, советую. Иди вверх, где-то в Черкассах или еще выше остановись и живи там.

Сечь и казацкая жизнь не для тебя. Долго не проживешь.

— Так ты меня гонишь? — по-своему воспринял слова Якова Афанасий.

— Нет, только лишь предупреждаю. Видишь ты, видение тебя слабым делает. Если бы не этот факт, я бы с тобой вообще говорить не стал бы.

— Почему так говоришь? — удивился Афанасий.

Задумался казак, слегка прищурился и, глядя на Афанасия, решил: скажу, что можно.

— Мир-то ведь устроен так, что дух и душа после смерти как бы путешествуют. Они подключаются то к одному телу, то к другому...

— А я такого и не слышал, в церковных книгах не читал. Где об этом написано?

— В том-то и дело, что нигде, но так есть. Я к чему веду. Не чужой ты мне. Когда-то в прошлых воплощениях мы встречались, и оказал ты мне услугу. Поэтому сейчас я тебе советы и даю. Твое дело, выполнять их или нет. Прикрывать тебя я не буду, если дела неразумные совершать будешь. Здесь Сечь, а не то место, откуда ты явился. Там свобода уже умерла, а здесь еще теплится.

— Ага, вижу я вашу свободу: то татары наскочат, то турки о себе знать дадут, то еще кто из незваных гостей пожалует.

— Так тебя, я смотрю, это мало волнует, раз

ты к нам перебежал. Тебя никто не держит. Можешь вернуться, да только полюбилось тебе здесь, как я погляжу. Здесь с тебя никто не спросит, кто ты есть таков и слова не скажет. А сабля на то и дана казаку, чтобы ее, когда нужно, в дело пускать. На том Сечь стоит и стоять будет, пока ее черед не придет.

— Как тебя понимать?

— Как хочешь, так и понимай.

— Видишь, что будет?

— Вижу, что с вашей сторонки, придет время, люди с ружьями явятся, казаков прогонят, а некоторых и заточат...

— Ты, стало быть, видящий и меня понять должен. Как мне сделать так, чтобы видения эти ко мне больше не являлись и не мучили меня?

— Так я же тебе уже сказал. Ты посмотри на свое положение с другой стороны. Видеть можно многое. Хуже то, что ты видишь, не сообразуется с твоими представлениями о мире. Ты его видишь лучшим, чем он есть. Отсюда и все недоразумения. Ты думаешь, что это белое, а на проверку оказывается, что оно черное. Но так устроен мир. Можешь изменить себя и свое отношение к происходящему в нем. Переделывать других не советую. К добру это не приведет. Отчаиваться тоже не стоит, тем более разочаровываться. Прими так, как есть, что на свете живут представители

разных сил. Физическое тело — лишь одежда. Ты иногда видишь суть или сущность человека. Бояться этого не стоит. Да и чего бояться? Он таким был раньше, может, с рождения.

— Такая действительность противоречит тому, что меня учили, что я знаю...

— Значит, не тому ты учился и знаешь то, что не соответствует действительности. Переучиваться придется. Да, еще скажу, — прищурился Яков, — кто бы тебя ни подбивал выпить, в корчму не ходи.

— Да я и не пью вовсе.

Широкая и добрая усмешка осветила лицо батьки. Трубку, которую он вертел в руках, казак отложил в сторону, провел рукой по усам.

— Так, может, ты и сала не ешь?

— Нет, сало мне нравится, но горилки не пью.

— Я вот, что тебе скажу, — продолжает Яков. — Ты, перед тем, когда надумаешь в шинок зайти, масла съешь и сала слегка, чуть позже...

— Это еще зачем? Все равно не пойду.

— Это за свои гроши не пойдешь, а как угощать начнут, куда денешься? Подумаешь и согласишься. Только мои слова вспомни.

— Что и хлебом не закусывать? — уточнил Афанасий.

— Слушай и запоминай. Точно скажу, как и в каких пропорциях тебе надо будет масло съесть натошак и что к нему в придачу.